

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Серебряная ладанка
приносила Жанне д'Арк
удачу во всем. И в наши
дни ладанка продолжает
помогать девушкам,
носящим это имя...

Наталья АЛЕКСАНДРОВА

Ладанка Жанны д'Арк

Артефакт & Детектив

Наталья Александрова
Ладанка Жанны д'Арк

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Александрова Н. Н.

Ладанка Жанны д'Арк / Н. Н. Александрова — «Эксмо»,
2021 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-04-118710-1

Жанна очнулась в незнакомой квартире, ничего не помня о предыдущем вечере. Девушка с удивлением обнаружила, что на бедре у нее появилась татуировка: женское лицо в языках пламени, по бокам два цветка, стебли перекрещены, и в них воткнут меч. Но кто и зачем сделал ей это тату? Вернувшись домой, Жанна по привычке отправилась в бассейн и там увидела девушку с такой же татуировкой! А потом она обнаружила ее мертвой в своем шкафчике... Похоже, ей угрожает нешуточная опасность, уберечь от которой сможет только старинная серебряная ладанка, по легенде принадлежавшая самой Жанне д'Арк...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-118710-1

© Александрова Н. Н., 2021
© Эксмо, 2021

Наталья Александрова

Ладанка Жанны Д'арк

Проснулась я с ощущением, что со мной что-то не так, и никак не могла понять, что конкретно. Не открывая глаз, повернулась на бок очень осторожно, чтобы не наткнуться на Лешку. Диван у него узковат, а сам Лешка – мужчина крупноватый, мягко говоря, увесистый, да еще норовит занять все доступное место, пару раз меня вообще во сне с дивана на пол спихнул.

Итак, я повернулась, но ощутила рядом с собой лишь пустоту. Очень удивилась, потому что этот бегемот никогда не встает раньше меня, пощупала рукой постель, никого не обнаружила и, наконец, сообразила открыть глаза.

Не подумайте, что такое со мной каждый раз, просто сегодня в ушах забивали сваи, как на стройке, в голове плескалось что-то противное и густое, как гороховый суп, а все тело болело, как будто меня переехал асфальтовый каток, будто волка из мультфильма.

Вот с глазами тоже все было странно. Обычно, когда я просыпаюсь, перед ними стоит легкий туман, нужно сесть и потрясти головой, тогда туман уйдет, и окружающие предметы обретут свои очертания, хоть и не совсем четкие.

Короче, у меня сильная близорукость, с шестнадцати лет я ношу контактные линзы, которые обязательно нужно снимать на ночь, так что утром у меня перед глазами все расплывается в тумане... ну, про это я уже говорила.

Я едва не вскрикнула: было такое чувство, что перед глазами у меня разорвалась световая граната. Только, ради бога, не подумайте, будто я знаю, что это такое, просто глаза дико резало, и слезы рекой потекли.

Все ясно: вчера вечером я не вынула линзы. Бывало такое пару раз, честно признаюсь – выпили тогда с девчонками прилично.

Очень осторожно я приоткрыла один глаз на малюсенькую щелочку, потом второй. Ничего, жить можно. Глаза болят, но тумана перед ними нет, все видно довольно ясно.

То, что я увидела, мне очень не понравилось. Это была вовсе не Лешкина квартира! Не его диван, не его шкаф, не его занавески, которые я совсем недавно носила в химчистку.

У Лешки в квартире всегда жуткий беспорядок, если я не убирала. А он еще ругался, что я вечно засовываю куда-то нужные вещи.

В этой комнате было вроде бы прибрано, во всяком случае, в обозримом мною пространстве не валялись грязные носки и россыпи крошек от пиццы, а коробки не громоздились в углу. И не пахло потом и испорченной едой.

Я потянула носом. Действительно не пахло. Но воздух был все же какой-то затхлый, как будто год не проветривали.

Тут я осознала наконец, что лежу в незнакомой комнате на чужой постели абсолютно голая. Вот именно, одеяло тонюсенькое, даже мурашки по коже побежали, впрочем, не от холода, а от страха.

Как я здесь очутилась? Кто меня сюда привел? Ничего не помню.

Сжав зубы, чтобы они не стучали, я очень осторожно села на диване и спустила ноги на пол. На ощупь он был чистый – ни комков пыли, ни песка под ногами. И тапочек тоже не было.

Я еще раз оглядела комнату. Плотные занавески задернуты, полутемно, хотя в щелочку видно, что на дворе белый день. Сколько же я проспала? И вообще, сколько сейчас времени? Утро или день? И где хозяин квартиры?

Я было вскочила, но застыла на месте. Ясно, что привез меня сюда мужчина. Но вот кто? Понятно, что не Лешка, это не его квартира. Значит, я познакомилась с кем-то вечером, он меня напоил или наколол чем-то, потом привез сюда, и...

Комната поплыла перед глазами, и я плюхнулась обратно на диван. Господи, да такое поведение для меня совершенно неприемлемо! Не святая я, конечно, но в жизни не было, чтобы поехала к первому попавшемуся парню сразу после знакомства!

«Так. Только не паниковать!» – приказала себе. Нужно убираться отсюда как можно скорее. Я прислушалась и не услышала ничего, потому что в ушах по-прежнему забивали свай. Но все же было такое чувство, что в квартире никого нет.

Очень осторожно я встала. Комната сделала поползновение покружиться, как в вальсе, но я решила не обращать на такие мелочи внимания, и вскоре ей это надоело. Я еще раз огляделась в поисках своей одежды и ничего не нашла. Вот именно: ни на стуле, ни на столе, ни на полу не было ничего. Я перерыла постель на диване – ничего, даже трусиков нет. Не веря в такое свинство, я отдернула занавеску. Подоконник был чист, ни цветов, ни пыли.

Пейзаж за окном ничем не порадовал. Напротив дома находилось промышленное здание, выкрашенное в унылый серо-бежевый цвет. Редкие узкие окна смотрели тускло, как глаза слепого попрошайки. Здание было огорожено высоким глухим забором, но сверху я видела, что двор совершенно безлюден.

Тут я осознала, что стою у окна совершенно голая, и спряталась за занавеску. Затем сдернула с дивана простыню, которая была чистой, но противно пахла какой-то химией, завернулась в нее и решила выйти из комнаты, тем более хотелось в туалет и хоть как-то умыться. Да еще горло пересохло, было такое чувство, что там поселилось семейство ежей и выставило все колючки.

Я очутилась в небольшой аккуратной прихожей, куда помещалась только вешалка, зеркало с полочкой, на которой не валялось даже расчески, и галошница. Зато на ней я обнаружила свои туфли. Ну да, мои синие лакированные лодочки, которые я надеваю довольно редко – уж очень каблук высокий. А вчера, значит, надела.

В прихожую выходили еще три двери, одна, самая узкая, оказалась дверью стенного шкафа. Радость моя была неописуемой, когда я обнаружила там свое легкое пальтецо и сумку. И можете себе представить, что в сумке лежал нетронутый кошелек, ключи и телефон, правда, безнадежно разрядившийся.

Да, могу себе представить, что подумают встречные люди, увидев девицу в пальто, надетом на голое тело и в туфлях на босу ногу. Пальто к тому же короткое.

Я вдруг почувствовала ужасную злость. В голове что-то щелкнуло, как будто включили радиоприемник, и кто-то отчетливо сказал: «Не трать зря время, тебе пора уходить!» Я даже оглянулась в поисках того, кто это сказал, но сообразила, что голос звучал у меня в голове.

Однако шум в ушах куда-то пропал, и голова стала не такая чугунная. По этому поводу я распахнула следующую дверь и оказалась в кухне. Ничего особенного – маленькое помещение, дешевая встроенная мебель, но все очень чистое. То есть непохоже, что только недавно хозяйка вылизала тут все, скорее, никто этим не пользуется.

Ужасно хотелось пить, и я открыла холодильник. Он был абсолютно пуст и даже не работал. В буфете стояли самые простые чашки, все ручки аккуратно повернуты в одну сторону. Никаких продуктов, и похоже, что они тут никогда не хранились. Впрочем, это меня волновало в самую последнюю очередь.

В горле ежи ползали по наждачной бумаге, я решила плюнуть на все и напиться воды из-под крана. Немного помогло, и тогда я отправилась в ванную.

Все то же самое: чисто и безлико. Ни щетки, ни мыла, ни шампуня. Зато на белой табуретке лежала моя одежда, аккуратно сложенная, и меня передернуло от мысли, что чьи-то руки сначала с меня ее сняли, а потом сложили в ванной. Это точно была не я.

Однако все на месте: белье, узкие черные слаксы и шелковая блузка цвета морской волны, расшитая павлинами. Вполне себе вечерний наряд, и туфли к нему подходят. Стало быть, я куда-то пошла вчера вечером. Убей бог, не помню.

«Быстро принимай душ и катись отсюда!» – прозвучал в голове уже знакомый голос. Я решила не удивляться, потому что он говорил дело. Сбросив простыню, я машинально посмотрела в зеркало, висевшее над раковиной, и обомлела.

На левом бедре я увидела... татуировку.

Подняв ногу как можно выше, я изогнулась немыслимым образом и тогда увидела четкий рисунок: женское лицо в языках пламени, по бокам два цветка, стебли перекрещены, и в них воткнут меч. Ага, красиво. Можно сказать, что художественно.

Когда я сделала эту татуировку? Совершенно не помню. И рисунок какой-то странный... Я потрогала кожу на бедре. Ничего не болит, никакого воспаления, все сделано аккуратно, профессионально... Неужели тату сделали ночью вот в этой квартире? Меня снова затрясло, помог только горячий душ.

После душа в голове проступили кое-какие воспоминания. Мы с Лешкой орем друг на друга, я обзываю его козлом, уродом и импотентом, а он меня – холодной щукой, мымрой и занудой. Когда это было? Неужели вчера?

Ага, когда мы перешли к рукопашной, я ткнула его зонтиком, и он был мокрый. Черт, да я потому и пришла домой раньше, что решила не возвращаться на работу в такую жуткую погоду! И меня подвез... как же его... меня подвез Вадим.

Вчера шел дождь. Начальник послал меня отвезти документы в одну фирму, там такие зануды, что никак не могут перейти на компьютерный вариант. И вот, когда я тащилась из этой фирмы к метро под проливным дождем, меня окликнули из машины. Вадим.

Так, а кто такой у нас Вадим? Перед глазами встало лицо: бледная кожа, светлые брови, волосы чуть рыжеватого оттенка зачесаны набок, а глаза... глаза какие-то непонятные, никак не удавалось их разглядеть. Впрочем, меня не слишком интересовали его глаза.

Он живет в том же доме, что и Лешка, мы сталкивались несколько раз во дворе, ставили машины рядом.

Ну да, у меня есть машина. То есть была, пока этот мерзавец Лешка ее не разбил. Страховка не полностью покрыла ремонт. Лешка, конечно, каялся (для виду) и обещал ремонт оплатить (врал естественно, а я, дура, верила. Впрочем, у меня не было выхода).

В общем, Вадим сказал, что случайно проезжал мимо, и предложил подвезти меня домой. Я согласилась, на свою беду, потому что, придя домой к Лешке на два часа раньше, застала его в постели с какой-то белобрысой шваброй. Уродина, кстати, каких поискать. Ноги кривые, грудь обвисла, как уши у спаниеля.

Разумеется, я разозлилась. А кто бы на моем месте не разозлился? Психологи в журнальных статьях учат нас, что в данном случае нужно не давать себе волю, лучше вообще сделать вид, что ничего не заметила, и тихонько уйти. А потом осторожно выяснить, что за девица, откуда она взялась и как долго это продолжается. Если девица незнакомая и в постели оказалась совершенно случайно, то просто выбросить это событие из головы. А если знакомая и имеет на вашего мужа какие-то виды, то нужно потрудиться, поинтриговать (список мероприятий прилагается), рано или поздно ваши усилия увенчаются успехом, и ваше сокровище останется при вас. Навсегда. Или хотя бы надолго.

То есть так поступают умные женщины. Но я вас умоляю! Лешка мне не муж и никогда не собирался им быть. Мне это тоже не приходило в голову, поэтому я сразу рассвирепела.

С Лешкой драться чревато – говорила уже, что он здоровый, как бегемот. Не сказать, чтобы спортивный, но меня он просто массой задавит. Девице я успела выдрать клочок волос и расцарапать морду, пока она не улизнула, Лешку же обозвала по-всякому, а он заорал, чтобы я немедленно выметалась из его квартиры, и начал выбрасывать мои вещи, так что мне пришлось сложить все оставшееся в мешки для мусора и спешно уносить ноги.

Я не успела даже удивиться такой его злости. В конце концов, это его я поймала с поличным, а девица, насколько я помню, вовсе не стоила того, что он устроил. Тогда, то есть вчера днем, мне некогда было об этом думать, я подхватила вещи и ушла. Что делать-то было...

И опять-таки Вадим выезжал со двора и остановился, чтобы спросить, не нужна ли мне помощь. И подвез меня... куда? Ой, лучше про это сейчас не думать. Вот что за кошмар в моей жизни!

«Не тяни время! – снова раздался в голове голос. – Потом будешь себя жалеть!»

И то верно. Хорошо, что кое-что вспомнилось, но это только начало. А вот как я оказалась в этой квартире, абсолютно не помню. Просто какой-то провал в памяти.

Было противно надевать несвежее белье, но это не самое страшное, что со мной случилось за последние сутки. Я быстро оделась, внимательно осмотрела квартиру, чтобы не оставлять ничего, никакой мелочи, даже постель убрала.

Замок на входной двери был довольно простой, так что я просто захлопнула его и спустилась по лестнице пешком, никого, к счастью, не встретив.

Местность была незнакомая, я обошла унылое промышленное здание и вышла на довольно оживленную улицу. Снова пошел дождь, так что я решилась и подняла руку, поскольку вызвать такси не позволял разрядившийся телефон.

В машине пахло бензином, и у меня снова закружилась голова.

– Куда едем, красавица? – спросил водитель.

Я привычно назвала адрес Лешки и не сразу сообразила, что теперь мне туда не надо. Прожила там почти год... И вот так по-хамски он со мной обошелся.

– Постой. – Я тронула водителя за плечо. – Мне не туда, а на Сенную. Я там живу.

– Пить надо меньше, – беззлобно посоветовал водитель и развернулся на ближайшем перекрестке.

Я тяжело вздохнула и прикинула, что меня ожидает на собственных одиннадцати метрах. Выходило, что ничего хорошего. Но выбора не было.

Если честно, то и жила-то я у Лешки только потому, что у него была своя квартира. Правда, поначалу он мне врал, что квартира не его, а съемная, потом – что принадлежит его тетке, которая сама проживает за городом, а его просто пустила пожить.

Ага, так я и поверила! Да ни одна женщина в здравом уме не пустит в квартиру такого незяху. Разве что за деньги, да и то если в совсем стесненных обстоятельствах находится. За короткое время такие, как Лешка, квартирку уделают так, что потом все деньги на ремонт уйдут, да еще доплачивать придется.

Короче, я очень быстро выяснила, что крошечная захламленная однушка – его, Лешкина, собственность. Он, кстати, очень тогда на меня рассердился, кричал, что девицы только и ищут мужчин с жилплощадью, чтобы поселиться, а потом ее оттяпать. Да надо больно! Всю жизнь мечтала!

В общем, мы заключили деловое соглашение: я живу у Лешки, а он пользуется моей машиной. Иногда. И вот этот урод влетел в аварию.

Ясно теперь, отчего он меня выгнал – чтобы за ремонт машины не платить. Нет, ну какая скотина!

– Тебе конкретно куда? – влез в мои мысли голос водителя.

– Вот в этот переулок. Если не развернуться, то я и так дойду, – пробормотала я и вспомнила, как вчера машина Вадима остановилась на этом же месте. Он настоял, что довезет меня до ворот.

Дело в том, что подъезд находится во дворе, точнее, под аркой, которая закрыта воротами. И замок кодовый. Тут, у Сенной площади, попробуй не закрой двор – бомжи и пьяницы такое устроят...

У ворот я вчера с Вадимом простилась вежливо, но твердо, потому что представила, какое лицо у него будет, когда он увидит лестницу и дверь нашей коммунальной квартиры. Нет уж, я туда даже Лешку не водила, а уж этого бегемота сложно удивить.

И Вадим наконец попрощался, но перед этим пригласил меня в ночной клуб. Сказал, что у него день рождения и там будет небольшая компания его самых близких друзей. С чего он решил меня к ним причислить, я не поняла. Поблагодарила как могла вежливо и потащилась наверх, на шестой этаж по лестнице, которую не мыли, наверное, со дня постройки дома.

Когда я оказалась перед дверью квартиры, Вадим с его приглашением незаметно выскокил у меня из головы. Да я вовсе и не собиралась никуда идти, но жизнь, как говорится, внесла свои коррективы.

Как только я открыла дверь своим ключом и уловила запах свежей выпечки, то поняла, что если уж не везет, то по всем пунктам.

Запах пирогов означает, что Зойка ждет своего хахаля. Иван Федорович – толстый, солидный, служит в полиции и бывает у Зойки пару раз в неделю, когда у него дежурство. Но поскольку живет Зойка с двумя пацанами восьми и десяти лет в одной комнате, то уединиться нет никакой возможности, и два раза в неделю они располагаются у меня. За это Зойка убирает в комнате и оплачивает коммунальные услуги. В общем, все довольны.

Но, как назло, дежурство Ивана Федоровича выпало как раз на сегодня, а он такой человек, что планы свои менять не станет. От этого плохо будет всем: и Зойке, и мне.

– Мам! – заорал Зойкин Гришка, высунувшись в коридор. – Там Жанка пришла с мешками!

– Ты чегой-то? – удивилась Зойка.

По ней было сразу видно, что приготовления к приему любимого человека идут полным ходом: на лице – зеленая маска, на голове – бигуди, в руках – кухонный нож. По всему почувствовалось, что в собственную комнату я явилась не вовремя.

– Да уж, – вздохнула Зойка, – сегодня у нас все решится.

Дело в том, что Иван Федорович Зойку в эту комнату поселил, когда она сбежала от мужа. Сил не было больше терпеть, говорила она, он бил ее каждый день, и трезвый, и пьяный.

Жили они в области в частном доме, который достался мужу от родителей, и все в этом поселке были ему родней, так что за Зойку никто не заступился. Пару раз муж ловил ее с детьми, бил смертным боем и возвращал назад. На третий раз удалось сбежать и встретить Ивана Федоровича. Он устроил ей жилье и работу. Но жила Зойка в комнате на птичьих правах, и когда Иван Федорович был в хорошем настроении, то обещал комнату переписать на нее. Да все тянул.

– Сегодня окончательно вопрос с комнатой обещал решить, – повторила Зойка, – так что ты уж...

Вот так и получилось, что пришлось мне вечером мотать из дома. И, судя по всему, пошла я в ночной клуб, к Вадиму на день рождения. Но вот где тот клуб находится, как называется и что там со мной было – не вспомнить ни за какие пряники.

Сейчас я задумчиво ковыляла через двор, тщательно следя, чтобы каблук не попал в трещину на асфальте. Жалко туфли, покупала их в дорогом магазине, хоть и со скидкой.

Во дворе катались на самокатах Зойкины Пашка и Гришка.

– Жанк, ты чего такая упоротая? – заорал Гришка на весь двор.

Больно шустрый у Зойки парень и хамоватый. Но, однако, и водитель тоже заметил, что я не в себе. Нужно что-то делать. Одно хорошо: сегодня суббота, так что за выходные я приду в себя.

В комнате было чисто и проветрено, тут же явилась Зойка с пирогами.

– Заранее тебе отложила, а то мои все сожрут, – заявила она. – Ты же их знаешь.

Потом она принесла чайник и чашки. В нашей кухне есть можно только в одном случае – если хочешь немедленно похудеть, там в горло ничего не ползет.

– Как погуляла? – спросила Зойка.

– Да так... устала очень...

Зойка – хорошая баба, но не могу я ей рассказать, я еще сама не разобралась в этой странной ситуации.

– Как у тебя с комнатой-то? – спросила я, чтобы сменить скользкую тему.

– Ой! – Зойка встрепенулась и тут же прикрыла рот рукой. – Представляешь, в понедельник к нотариусу пойдем!

– С чего это твой так расщедрился? – прищурилась я.

– Да у него, понимаешь, положение пошатнулось, там у них новый начальник пришел, теперь всех шерстит по поводу взяток и коррупции, так что решил Иван Федорович от греха на меня кое- что переписать. Только бы не сглазить... – Зойка постучала по столешнице.

После чая стало получше, и я решила, что нужно обустраиваться. С Лешкой, надо думать, у меня все, раз такое отношение – ни за что не стану мириться. Стало быть, придется пока пожить здесь. Ну до чего же не хочется...

Я кое-как разложила вещи и сунулась было в ванную, но она была прочно занята. Представив нашу жуткую ванну, всю в художественных подтеках ржавчины, кран, который нужно долго устанавливать, чтобы он не брызгал и не плевался кипятком в самый неподходящий момент, а еще следить, чтобы не удариться головой о висящий на стене медный таз Пульхерии Львовны, я даже не стала стучать в дверь и орать, чтобы выметались. Не больно хотелось там мыться.

Пульхерия Львовна – основная достопримечательность нашей квартиры. Живет тут очень давно, помнит самых первых жильцов и сейчас находится в глубоком маразме. Старуха одинокая, и не определяют ее в соответствующее учреждение только потому, что никому не охота с ней возиться. Иногда ее жалко, бабка в общем-то безобидная, если только не включает газ и не оставляет утюг – не из вредности, а по забывчивости.

Пульхерией Львовной прозвали ее прежние жильцы, там один тип все время запирался в туалете и читал классическую литературу, этикие толстенные романы. Однажды Мишка-алкоголик, когда ему приспичило, даже дверь пытался выломать, но она дубовая, толстенная, опять-таки с основания дома, так что ничего у него не вышло, только палец на ноге сломал.

Вот этот чокнутый любитель классики и обозвал Пульхерию, начитавшись Гоголя. Потому что Львовна-то она Львовна, это тетка сказала, которая ей пенсию носит, а имя в паспорте неразборчиво, видно только что на «П». И она сама не помнит, то ли она Полина, то ли Павлина, то ли вообще Пелагея.

Все вещи у Пульхерии даже не прошлого, а позапрошлого века. Одних медных тазов было две штуки, только один Мишка стащил и продал. Тут мы не сумели скрыть своей радости, тем более что Пульхерия Львовна ничего не заметила.

Представив нашу ванную, я решила, что пока воздержусь, тем более что сегодня суббота, а по субботам я хожу в бассейн. И отчего бы сегодня это не сделать, авось в голове прояснится.

Я быстро собрала сумку и ушла, благо бассейн недалеко, пешком пройти можно.

Прохладная вода с резким запахом хлора и ровные, ритмичные движения всегда приводили меня в порядок. На втором круге в голове прояснилось, пульсирующая боль прошла, дышать стало легче. Только память о вчерашнем вечере не вернулась. Как я ни пыталась достучаться до того уголка мозга, где она укрылась, ничего не выходило. Там был темный провал.

Третий круг... четвертый...

По соседней дорожке плавала девушка в таком же, как у меня, синем купальнике. Синий купальник и красная шапочка – вот и все, что я могла различить без линз. Мы двигались примерно в одном темпе, и время от времени я проплывала мимо нее. Или она мимо меня.

И вдруг, когда мы в очередной раз встретились, в голове у меня снова прозвучал голос, тот же, что и в той незнакомой квартире, в которой я сегодня ночевала не помню с кем (стыд какой!).

«Это она!»

Черт... что это со мной... неужели начались глюки?

Я на мгновение зажмурила глаза, снова открыла и поплыла дальше, стараясь не потерять темп и не сбить дыхание. Но как только я поравнялась с девушкой в синем купальнике – в голове снова отчетливо прозвучало:

«Это она!»

Господи, за что это мне? Не иначе Вадим, сволочь, подмешал мне что-то в спиртное там, в ночном клубе... ну попадись он мне!

Еще один круг.

Мы с соседкой снова поравнялись.

И опять у меня в голове прозвучало:

«Это она!»

Да что же это такое! Нет, это невозможно... нужно прекращать, а то у меня совсем крыша поедет. С другой стороны, до этого голос в голове говорил мне дельные вещи. Так, может, и сейчас мне стоит прислушаться к нему?

Я доплыла до конца дорожки, ухватилась за лесенку и полезла вверх, на край бассейна. При этом невольно скосила глаза вправо и увидела совсем рядом свою соседку.

Она тоже поднималась по лесенке. Мои глаза оказались на уровне ее бедра, и достаточно близко, чтобы я смогла без линз различить детали.

С изумлением увидела на ее бедре татуировку! Точно такую же, как та, что появилась этой ночью у меня. Женское лицо, окруженное языками пламени, две лилии со скрещенными стеблями и меч...

Ничего себе!

– Девушка! – окликнула я ее.

Она удивленно оглянулась, поправила шапочку.

– Что?

– Можно спросить...

Я хотела узнать, откуда у нее такое тату, но вдруг почувствовала странную неловкость. А она не дождалась моего вопроса, пожала плечами и быстро удалилась.

Я вылезла на бортик, нашла свои тапочки и бросилась за ней.

В душевой я ее уже не застала, но увидела, как знакомая фигура мелькнула в дверях, направляясь в сторону раздевалки.

Я наскоро приняла душ, чтобы отделаться от запаха хлора, и пошла в раздевалку, надеясь, что уж там-то наверняка ее застану.

Но в раздевалке не было ни души.

Как она так быстро успела переодеться и уйти?..

Ладно, в конце концов, не так уж это важно.

Ну подумаешь, такое же тату...

Конечно, в глубине души я понимала, что это не может быть простым совпадением – тату необычное, наверняка его сделал ей тот же мастер, что и мне, а значит, я могла бы через нее хоть что-то узнать о своем забытом вечере. Уж она-то, наверное, вспомнит, где ей его делали, вряд ли у нее такой же провал в памяти!

Но тут уж ничего не поделаешь! Ушла так ушла... значит, мне не удастся ничего выяснить о ее тату...

Я подошла к своему шкафчику, открыла его...

И отскочила как ошпаренная.

В моем шкафчике...

В моем шкафчике сидела, скорчившись в неудобной и неестественной позе, та самая девица, что плавала по соседней дорожке. На ней был тот же самый синий купальник, а вместо шапочки на голове был накручен тюрбан из махрового полотенца.

В первый момент я подумала, что девица решила меня разыграть. Я хихикнула, шагнула к ней и тихонько проговорила:

– Ты чего?

Она не шелохнулась, а до меня дошло сразу несколько фактов.

Во-первых, шкафчик был закрыт, я его сама только что открыла ключом, который был прикреплен к моему браслету.

Во-вторых, и это главное – девица не шевелилась, и поза у нее была такая, которую живой человек не примет при всем желании.

Мое сознание никак не хотело признать очевидность, поэтому я нерешительно протянула к ней руку, дотронулась пальцем до плеча и снова едва слышно проговорила:

– Эй, что с тобой?

Разумеется, она ничего не ответила.

А я, поскольку была сейчас совсем близко, разглядела ее лицо, полузакрытые глаза...

И последние сомнения у меня отпали.

Она была мертва.

То есть на самом деле я поняла это в самый первый момент, когда только открыла шкафчик, но, как уже говорила, мое сознание не принимало этот факт.

Просто отказывалось его воспринимать.

И тут в дверях раздевалки послышались приближающиеся шаги и голоса.

Сюда шли люди, большая компания женщин.

Я представила, как они увидят меня перед шкафчиком с трупом и что при этом подумают...

Да нет, на самом деле я ничего не представила и тем более не подумала.

Я просто торопливо захлопнула дверцу шкафчика и заперла его на ключ, чтобы труп не выпал.

О чем я при этом думала?

Да ни о чем. В голове у меня была гулкая звенящая пустота. Моими действиями руководил не разум, а инстинкт. Мне просто стало очень страшно, и я закрыла шкафчик, как будто таким образом заперла на ключ свои проблемы.

В раздевалку вошли, негромко разговаривая, две девицы. На меня они, к счастью, не смотрели, просто открыли свои шкафчики и начали неторопливо раздеваться.

А я перевела дыхание и попыталась немного успокоиться.

Может быть, мне этот труп просто померещился?

Да нет, я его совершенно отчетливо видела, несмотря на свою близорукость. Линзы я сняла и оставила дома, надела очки, которые сейчас лежат в шкафчике.

Мертвая девица отпечаталась в моем мозгу четко, как на фотографии – ее неестественная поза, бледная, чуть влажная после душа кожа в мелких пупырышках, и это чертово тату на бедре – женское лицо в языках пламени, две лилии и меч...

Нет, для галлюцинации это было чересчур реалистично!

В шкафу действительно лежит мертвая девица...

А еще там моя одежда и все вещи...

И что делать?

Тут в голове у меня снова прозвучал тот же голос, уже ставший знакомым.

«Уходи! – произнес он. – Немедленно уходи!»

Что ж, голос прав. Но легко сказать – уходи! Как мне уйти из бассейна без одежды, без вещей?

Я боязливо взглянула на шкафчик...

Дождаться, когда из раздевалки все уйдут?

Но когда еще это будет!

Те две девицы неторопливо переодевались, обсуждая какого-то общего знакомого, а в раздевалку тем временем зашли еще несколько женщин. Похоже, теперь здесь будетлюдно, ну да, выходной же. Не могу же я здесь стоять целый час, дожидаясь, пока все разойдутся! Тем более не могу стоять перед этим шкафчиком.

При мысли о его содержимом меня передернуло.

Тут я поняла, что даже если раздевалка опустеет, я не смогу снова открыть шкафчик с трупом, и уж тем более достать оттуда свои вещи. Ведь для этого мне придется дотронуться до трупа, больше того – вытащить его оттуда...

Бр-р! Невозможно это представить!

Я снова в тоске уставилась на шкафчик...

И тут увидела на полу перед ним ключ. Плоский маленький ключик, точно такой же, как тот, которым я только что открыла свой шкафчик, а потом закрыла его.

Мой ключ был у меня в руке, значит, это... ключик мертвой девицы! Должно быть, он упал, когда ее заталкивали в шкафчик.

И тут в голове у меня возникла гениальная идея. Или безумная – не знаю, как точнее.

Мертвая девица была примерно одного со мной роста и такого же телосложения. Значит, я могу уйти из бассейна в ее одежде...

Наверное, эта идея была все же безумной – но ничего лучшего я не придумала. Я взглянула на ключ – на нем стоял номер семнадцать.

Я быстро нашла семнадцатый шкафчик, открыла его. Руки мои при этом дрожали – я не знала, что меня ждет, вдруг там еще один труп...

Но в шкафчике не было ничего особенного. Там стояла большая спортивная сумка, а еще, разумеется, была одежда – смена белья, узкие черные джинсы и красная куртка с капюшоном.

К счастью, все это оказалось мне более-менее впору, даже ботинки налезли, хоть и были чуть маловаты.

Я торопливо переоделась и наконец вышла из раздевалки.

Спортивную сумку я взяла, чтобы не оставлять ее на виду и не отличаться от остальных посетителей – все были с такими же сумками.

На выходе из бассейна я вспомнила, что сдала дежурной свою сумочку с деньгами и документами. Отдать ее мне должны были в обмен на ключ. Я сунула руку в карман, достала ключ, но в последний момент сообразила взглянуть на него.

Ключ был от шкафчика номер семнадцать, то есть не мой, а той, мертвой девицы. Я быстро положила этот ключ обратно в карман и достала другой, от своего, двадцать четвертого шкафчика, протянула его заспанной дежурной.

Она без слова отдала мне сумочку, я положила ее в большую сумку и наконец вышла из бассейна.

Только теперь я перевела дыхание и немного расслабилась.

Что за ужасный день!

Сначала проснулась в чужой, совершенно незнакомой квартире, потом обнаружила в шкафчике труп...

Когда же это кончится?

Моросил мелкий унылый дождь, я подняла капюшон и побрела по улице – домой, пусть и в жуткую коммуналку, но все же там можно закрыться на ключ в комнате и плюхнуться на продавленный диван, заснуть и ни о чем не думать хотя бы до завтрашнего утра.

Дождь усилился. Я припустила быстрее и вдруг услышала за спиной громкий голос:
– Жанна!

Я вздрогнула и обернулась.

Кому это я вдруг понадобилась?

Рядом с тротуаром стояла большая темно-синяя машина, и из нее выглядывал здоровенный мордатый тип с квадратной челюстью и коротко стриженными темными волосами. Челюсть его ритмично, безостановочно двигалась, как будто он пережевывал жвачку. Впрочем, это не мешало ему говорить.

– Жанна! – повторил он недовольно. – Садись в машину! Садись быстро, кому говорят!

– С чего это? – пробормотала я.

Тип был совершенно незнакомый, а к незнакомым в машину я никогда не сажусь. Но тогда откуда он знает мое имя?

Видимо, от всех перенесенных неприятностей у меня что-то случилось с головой, и реакция замедлилась. Во всяком случае, я не успела и шагу сделать, как тип с квадратной челюстью выскочил из машины, втащил меня на пассажирское сиденье и захлопнул дверцу.

– Эй, ты что? – запоздало запротестовала я. – Ты вообще кто такой? Что тебе от меня нужно?

Он ничего не ответил, только неприязненно зыркнул на меня и выжал сцепление. Машина резко сорвалась с места.

– Ты что – глухой? – проговорила я, стараясь не показать, насколько испугана. – Что тебе нужно?

– Какого черта ты потащила в бассейн? – прошипел он в ответ, не переставая пережевывать жвачку.

– Освежиться захотела! – отозвалась я. – И вообще, тебе-то какое дело? Почему я должна перед тобой оправдываться? Ты мне так и не сказал, кто ты такой!

– А тебе не все ли равно? Меня Петрович за тобой послал – это все, что тебя должно интересовать!

– Вот интересно! Ты меня втащил в машину – а мне должно быть все равно, кто ты такой?

– Тебе Петрович сказал – сидеть в Куромьяках и носа оттуда не высовывать, а ты в бассейн потащила!

– В Куромьяках? – тупо переспросила я. Все происходящее было похоже на бред.

– Ну да, в Куромьяках! Возле колченогого! Что непонятно? – Он зло покосился на меня.

– Непонятно, кто ты вообще такой!

– Ну, допустим, я Валега. Меня за тобой Петрович послал. Он хочет поговорить, так что сейчас я отвезу тебя к колченогому...

– Петрович? – переспросила я удивленно и тут же опомнилась. – И о чем, интересно, мне с ним разговаривать?

Я хотела добавить, что не знаю никакого Петровича, но вовремя прикусила язык. Мою глупость можно было объяснить только тем, что буквально только что я видела труп, в собственном шкафчике в раздевалке. Естественно, что после такого потрясения мозги отказали.

– Не задирайся, – пробурчал Валега или как там его зовут, – дело в том, что приезжала вдова.

«Какая еще вдова? – хотела заорать я. – Отвали от меня!»

Но голос в голове срочно приказал:

«Молчи! Ни слова не говори!»

Я закусила губу чуть не до крови. Этот самый Валега покосился на меня подозрительно, хотел что-то спросить, но тут впереди завизжали тормоза и ехавшая перед нами машина резко затормозила. Валега тоже ударил по тормозам, но опоздал и врезался в ту машину.

Раздался треск, скрежет, из передней машины выскочил красномордый дядька лет пятидесяти, подскочил к нам со стороны водителя и заорал:

– Ты, козел, что творишь? Ты что устроил? Я на этой машине еще месяца не откатал, а ты ее в хлам...

Валега тоже разинул рот, чтобы отлаять мужика в ответ, даже перестал пережевывать свою жвачку, но я не стала дожидаться развития событий, торопливо открыла дверцу и выскочила из машины.

Не оглядываясь, я припустила прочь по улице, добежала до угла, свернула и только тогда перевела дыхание. Точнее, выругалась, выпустила пар.

Черт, черт, черт! Да что же такое сегодня со мной творится? Не успеваю выпутаться из одной переделки, как тут же попадаю в другую! Это уже ни на что не похоже! Какой-то тип затащил меня в машину, хотел отвезти черт знает куда, в какие-то Куромьяки... к какому-то колченогому... причем, судя по разговору, он меня с кем-то перепутал. Наверняка перепутал.

Да, но он откуда-то знает мое имя...

В это время я поравнялась с витриной канцелярского магазина и увидела в ней свое отражение.

Чужая красная куртка, капюшон, закрывающий лицо...

Да я бы сама себя не узнала, а тот тип окликнул меня сзади, со спины... как он-то смог меня узнать?

И тут у меня случилось внезапное просветление.

Этот тип с квадратной челюстью узнал вовсе не меня! Он принял меня за ту девицу, которая лежит в моем шкафчике в раздевалке бассейна. Ведь это ее куртка, ее джинсы...

Да, но он назвал меня по имени – Жанна!

Мистика какая-то!

Или вовсе не мистика, а роковое совпадение.

Ту девицу зовут, как и меня, Жанной.

Ну что ж, это вполне возможно. Конечно, имя не самое распространенное, но и не такое уж редкое. Вот была у меня одна знакомая из Прибалтики, так ее звали Геневефа. Это действительно редкое имя, а Жанна – подумаешь...

Таким образом, я немного прояснила для себя ситуацию, хотя легче от этого мне не стало. Я так и не знала, где была накануне вечером, в чьей квартире провела минувшую ночь и откуда у меня появилась странная татушка.

Кстати, о татушке.

У той девицы из бассейна была такая же и на том же самом месте. Что бы это значило и чем мне грозит? Особенно учитывая тот факт, что она уже мертва...

Тут от напряженного мыслительного процесса у меня снова заболела голова, и я решила сделать перерыв. А для этого вернуться домой, если, конечно, можно так назвать мою фантастическую коммуналку.

Может, вам интересно, как меня угораздило туда попасть? Да очень просто, меня напали.

Мать моя живет в Архангельске. То есть на самом деле она мне не мать, а тетка. Но это выяснилось не скоро, а в детстве я, бывало, очень удивлялась, отчего мать меня никогда не приласкает, доброго слова не скажет. Работала тетка бухгалтером, в конце месяца, когда нужно было делать финансовый отчет, приезжала домой поздно, так что я была предоставлена самой себе.

Лет в десять или двенадцать меня просветила сердобольная соседка. Дескать, так, мол, и так, мать моя была той еще пройдой (соседка употребила гораздо более сильное выражение), родила меня неизвестно от кого и обманом сбросила на свою старшую сестру, которая святая женщина, потому что не сдала выродка (то есть меня) в детдом, а кормит и поит на свои деньги.

Теперь трудно сказать, хотела ли соседка напакостить тетке или же в ее понимании так было лучше. Однако я, выслушав такое, собрала рюкзачок и рванула из дома, вытащив у тетки из комода деньги на хозяйство. Хватились меня только на следующий день, потому что тогда у тетки как раз был квартальный отчет. Нашли меня на вокзале, голодную и грязную. И повезло еще, что никто не обидел.

Меня привез домой на машине пожилой мент. Тетка встречала меня во дворе. Тут же толпились соседки, и та, говорливая, тоже орала что-то визгливым голосом насчет яблочка, которое недалеко падает от гнилой яблони.

Тетка, увидев меня, лицом не дрогнула, оно у нее всегда было каменное. Однако, идя мимо той самой соседки, она, не примериваясь, ткнула ее кулаком в нос. Было много крови.

Мент посмотрел на это спокойно, только хмыкнул и поскорее уехал. Соседи тоже быстро разошлись.

Дома тетка сказала мне устало, что, если еще раз такое повторится, она сдаст меня в детдом. И ушла к себе.

Ночью я прикинула про себя и решила, что с теткой все же лучше, чем в детдоме. Ее вечно дома не бывает, так что жить можно, тем более теперь понятно, отчего она ко мне равнодушна. Я ей никто – так, приبلудыш. Подкинули меня без ее на то желания, так что нечего ждать от тетки теплых чувств. Насчет матери я никаких надежд не питала – дескать, приедет, возьмет с собой в большой город. Это в три года можно об этом мечтать, а в тринадцать уже поздно.

Дальше мы с теткой жили спокойно. Она требовала, чтобы я вела хозяйство, потому что она много работает.

Ну что ж, надо так надо. Мы никогда с ней не разговаривали, даже за ужином. Иногда она проверяла мой дневник, и если находила тройку, то лишала и так небольших карманных денег. После девятого класса тетка определила меня в бухгалтерский колледж. Мне было все равно – колледж так колледж.

Я успела окончить его и даже немного поработать, когда пришло письмо, где незнакомая женщина сообщала о смерти моей матери и о том, что после нее осталась жилплощадь, которая принадлежит мне по закону. Тетка, прочитав письмо, сказала только:

– Вот все у нее мне назло. Если бы раньше померла, тебе бы как сироте пособие больше платили.

И все, больше никаких слов о смерти единственной сестры.

Это решило дело. Я поехала в Петербург, и тетка даже дала мне денег на дорогу, при-совокупив, что это все и чтобы больше я к ней не обращалась. Да не больно-то и хотелось, подумала я тогда, едва удержавшись, чтобы не сказать это вслух.

Город Петербург по традиции встретил меня проливным дождем, так что пришлось взять такси и заплатить несусветные деньги. В письме был указан только адрес, и я, как полная дура, поперлась туда без предупреждения. Дверь открыл здоровенный лысый мужик и сказал, что никакую Елену Куликову он знать не знает. Куликова – это моя фамилия, и у матери, надо думать, была такая же.

Пока я в полной растерянности топталась на лестничной площадке, открылась дверь соседней квартиры, и меня втянула внутрь бойкая старуха в спортивном костюме. Удостоверившись, что я – это я, то есть дочка Елены, она призналась, что написала то письмо, поскольку эти сволочи, муж Лены и ее свекровь, ни за что бы не сообщили мне о смерти матери. Как я потом догадалась, старуха была с ними в ссоре, оттого и хотела подгадить.

Мать умерла от рака, причем очень быстро, и соседка грешила на мужа и свекровь за то, что они фактически бросили ее без помощи. Просто в один момент муженек собрал вещи и переехал к маме, мотивируя это тем, что ему тяжело смотреть на больную. Спит он плохо от ее стонов и запаха лекарств.

Так что соседка уж сама заботилась о Лене, как могла, а то ведь совестью замучилась бы.

Во время болезни и призналась Елена, что где-то в далеком городе Архангельске у нее есть дочь, с которой она не виделась едва ли не с рождения. Раньше не писала и денег не посылала, а теперь вот стыдно о себе сообщить. Дала адрес и взяла с нее, соседки, слово, что напишет письмо только после ее смерти.

Этот рассказ я выслушала спокойно, ничего не шевельнулось у меня в голове при слове «мама». А соседка тем временем переделась в черное и повела меня знакомиться с бывшими родственниками – маминым мужем и свекровью.

Жили они в том же районе, через два двора, и произвели на меня самое отталкивающее впечатление. И то сказать, они понятия не имели о моем существовании, а тут такой сюрприз. Они-то считали квартиру своей собственностью и даже сдали ее на долгое время тому лысому мужику.

В общем, противно вспоминать, что тут началось. Наслушалась я на свой счет всякого. Помогла соседка, которая стояла насмерть. Закон, говорила она, есть закон, раз дочери положена площадь, стало быть, она ее получит.

Какая-то там была путаница в документах, так что эти двое предпочли решить дело миром. Свекровь сказала, что у них есть комната в коммуналке, так что можно и договориться. Коммуналка, конечно, дремучая, однако рано или поздно ее обязательно расселят. И даже привели риелтора – бойкого мужичка с бегающими глазками, который сыпал словами, как горохом, прижимал руки к сердцу и совершенно заморочил мне голову. В общем, я подписала все бумаги, и риелтор тут же исчез, как не бывало. С тех пор прошло три года, а мы все ждем расселения.

Так что история моего появления в этой коммуналке совершенно типичная, и никому не интересная. Однако волей-неволей приходится считать ее своим домом, ведь другого у меня нет.

Итак, я решила, что хватит с меня на сегодня приключений, и свернула в переулок. Прошла под аркой, поднялась на пятый этаж.

Открыла замок своим ключом, потянула дверную ручку...

Но дверь не открылась, даже не шелохнулась.

Что за черт?

Неужели пока я ходила в бассейн, кто-то успел поменять замок?

Да нет, это нереально – слишком быстро, а главное – замок стоит денег, а никто из моих замечательных соседей не раскошелится ради квартиры...

И тут я вспомнила, что у нас на двери, кроме обычного замка, есть еще здоровенный чугунный крюк, которому не меньше ста лет. Правда, им почти никогда не пользуются – только пару раз Пульхерия Львовна накидывала этот крюк во время обострения своей деменции. Неужели она снова взялась за свое?

Я позвонила в ее звонок без надежды на успех – старуха, кроме того, что находится в глубоком маразме, еще и глухая, как пень.

Подождав пару минут, я разозлилась – что такое, в самом деле! Не могу попасть в собственную комнату! – позвонила во все звонки.

На этот раз эффект был. Не прошло и минуты, как из-за двери донесся злобный женский голос:

– Проваливай, козлина! Я же сказала, что на порог тебя больше не пущу!

Все ясно. Галка опять выгнала Михаила.

– Галь, – проговорила я миролюбивым, сочувственным тоном, – открой, это я, Жанна!

– Ты? Правда? – Теперь в голосе за дверью прозвучали виноватые нотки. – Ты там одна?

– Ну конечно, одна!

За дверью брякнуло, и она открылась.

На пороге стояла бледная молодая женщина в тренировочном костюме. Под глазом у нее пылал свежий синяк.

– Извини, что я дверь заперла, – проговорила Галина, отступая в сторону. – Я ему сказала, чтобы ключ отдал, а он – якобы потерял... только я ему не верю. Наверняка припрятал, козлина. Вот, пришлось на крюк запереться...

– Как же все соседи будут в квартиру попадать? Это тебе придется целый день в прихожей дежурить.

– Ничего, подежурю!

– Это он тебя так? – Я показала на синяк.

– А кто же? – Она тяжело вздохнула. – Ладно, проходи, что я тебя своими проблемами грузу...

Вся беда в том, что у Галки на редкость сволочной характер. В первое время после появления в нашей квартире Зойки, а стало быть, и Ивана Федоровича, Зойка из женской солидарности попросила его унять Мишку, когда он в пьяном виде подбил Галке глаз. Мишка, не разобравшись в ситуации, дал в лоб и Ивану Федоровичу, тот вызвал наряд, и Мишку упекли бы, если бы Галка не забрала заявление и не нажаловалась на Ивана Федоровича в отделение.

Подозреваю, что положение его пошатнулось не без Галкиной помощи. С тех пор Зойка с Галкой не разговаривают, а Иван Федорович старается с ней не встречаться. Мишка же совсем распоясался, но Галке так и надо.

Я прошла через прихожую, по длинному извилистому коридору, и наконец вошла в свою комнату.

Комната у меня, прямо скажем, необычная.

Начать с того, что она очень странной формы – длинная и сужающаяся от двери. Тут она еще вполне нормальной ширины, а к единственному окну становится такой узкой, что можно руками достать до обеих стен. А окно это выходит в темный двор-колодец, куда солнце никогда не заглядывает.

В общем, депрессивная комната. А какая еще может быть в зачуханной питерской коммуналке, в так называемом старом фонде? Да у меня и настроение сегодня под стать комнате. Однако не стоит поддаваться депрессии.

Я села на продавленный диван, который достался мне вместе с комнатой, и попыталась упорядочить собственные мысли.

Ладно, оставим пока в стороне того наглого мужика, который пытался меня увезти к какому-то колченогому шефу в Коломяки... Куромяки, или как они там называются. Допустим, он перепутал меня с той девицей, которая находится сейчас в шкафчике бассейна. Не будем также задаваться вопросом, кто ее убил и почему, а постараемся вспомнить, с чего все началось.

С того, что случилось в ночном клубе? Полный провал, ни черта не помню. Знаю только, что пригласил меня туда Вадим. Значит, нужно найти его и выяснить, что он со мной сделал там, в клубе. А как его найти? Вот на этот счет у меня есть мысли.

Я вынула из сумки косметичку и постучала в дверь к Галке.

– Кто там еще? – послышался слабый голос.

– Это я, Галь... – Я просочилась в комнату.

Галка лежала на разобранной кровати и рыдала. Точнее, уже почти перестала и просто шмыгала носом.

– Ты с чего это? – спросила я, хотя прекрасно знала, с чего.

Галка в этом смысле неоригинальна: ругается со своим Мишкой, получает от него по морде, по шее или в лоб, после чего выгоняет его из дома и торжественно клянется, что больше никогда не пустит. Закрывается на все замки, валится на кровать и рыдает, проклиная свою

несчастную жизнь. Потом, когда ей это надоедает, она слоняется по квартире, нечесаная, в старом халате и требует от соседей сочувствия и сострадания.

Но, как уже говорилось, с Зойкой она не разговаривает, ее парни обзываются и стреляют в нее из водяных пистолетиков, Пульхерия Львовна, встречая Галку в коридоре, неизменно спрашивает, кто она такая и как попала в квартиру, меня вечно нет дома, так что сочувствия Галке получить не от кого.

Не помню, говорила я или нет, что постоянных жильцов в квартире четверо, считая меня и Зойку, остальные две комнаты хозяева сдают, и жильцы там меняются как картинки в калейдоскопе. Иной раз пару недель поживут, да и съедут. Так что Галку жалеть из них тоже никто не станет, да и не стоит.

Только между нами: своего Мишку она сама доводит. Вот у меня нету пьющего мужа, вообще никакого нету и никогда не было, так я и то знаю: пришел мужик выпивши – не лезь к нему с нотациями и выяснением отношений, оставь его в покое. Тем более Мишка – тихий, ему бы проспаться. А она начинает скандалить. Да Зойкины мальчишки и то знают, что пьяного человека лучше не трогать! Так что Галка получает, что заслужила.

– Несчастливая моя жизнь! – всхлипнула Галка. – Вот спрашивается, за что мне это все?

Вопрос был риторический, и отвечать я не стала. Вместо этого сделала фальшиво-бодрое лицо и сказала:

– Ну все образуется как-нибудь. А пока давай-ка я тебя в порядок приведу, синяк замажу. Посмотришь на себя в зеркало – и жизнь покажется не такой несчастной!

Надо отдать Галке должное: она не стала отмахиваться и капризничать, видно самой надоело уже рыдать. Косметика у меня хорошая, опять же я умею ею пользоваться. Снимала в прошлом году у нас комнату одна девица, работавшая визажистом, она меня кое-чему научила. Неплохая была девица, работающая. Познакомилась прямо в салоне с одним там... потом к нему и съехала из нашей труппы.

Так что за полчаса я сделала из Галки нечто вполне приемлемое, смотреть уже не противно.

– Ничего себе, – сказала она, рассмотрев себя в зеркале, – жить можно. А ты чего пришла-то?

– Да вот, дело у меня к тебе... – замялась я, – насчет того дома, где ты подрабатываешь.

Галка по специальности бухгалтер и работает в небольшой фирмочке, но все время ищет подработку, потому что этот урод Мишка пропивает все деньги. То есть это она так говорит, а как уж там на самом деле, никто не знает.

Короче, живя у Лешки, я увидела как-то объявление, что в их ТСЖ требуется бухгалтер на неполный рабочий день, и свела с ними Галку. Она за это мне даже торт купила, который сожрал Лешка (чтоб ему подавиться).

– Излагай! – приказала Галка, совершенно приободрившись.

– Жильца одного найти... лет сорока, такой бледный, волосы рыжеватые, на один бок челка... – я показала как, – зовут Вадим. Не знаешь, кто такой?

– Слушай, там в доме без малого двести квартир! – возмутилась Галка. – Всех не упомянешь!

Она уселась к старенькому компьютеру, который Мишка не пропил только потому, что такая рухлядь никому не нужна – опять-таки с Галкиных слов.

– Владимир... Владислав... еще один Владимир шести лет... Владлен даже есть, дед такой противный, вечно жалуется, что неправильно квартплату ему начисляю, – нет, Вадима нету.

– Странно... он сказал, что живет там... может, снимает?

– Сейчас все, кто снимает, тоже обязаны документы приносить, в свете борьбы с терроризмом. – Галка профессионально быстро проглядела список. – Нет, нету такого в съемщиках... А он тебе зачем? – в ее голосе прозвучал явный интерес.

– По делу! – сухо ответила я и ушла, пока не начались ненужные расспросы.

У себя в комнате я задумалась. Что же это получается? Я точно помню, как Вадим говорил, что живет в Лешкином доме. Номер квартиры не называл, а я не спрашивала, ни к чему было. И мы виделись с ним несколько раз, он ставил машину рядом с моей и заходил в подъезд. Шел к кому-то в гости? Тогда его не найти.

Но можно попробовать по-другому.

Я нашла свой телефон, который так и валялся разряженный, поставила его на зарядку и отыскала номер Зюзи.

Зюзя – компьютерный гений. То есть в моем понимании, поскольку я в компьютерах разбираюсь постольку-поскольку, а Зюзя этим зарабатывает деньги. Причем, наверное, неплохие, если, прожив у нас в квартире пару месяцев, сумел снять довольно приличную отдельную квартиру в хорошем доме, приодеться и свозить свою девушку на море. Еще и самокат купил.

А оказался он в нашей коммуналке из-за своей безалаберности. Жил с отцом в обычной двухкомнатной квартире и с детства был не от мира сего. Как только дали ему в руки компьютер, так Зюзю больше ничего не интересовало.

Мать его умерла, когда Зюзя как раз школу оканчивал. Отец с горя запил, его с работы уволили, и он Зюзю кормить отказался – здоровый, мол, лоб, иди работать. В армию, разумеется, такое чудо не взяли, у Зюзи куча справок, что он не совсем нормальный. И это было видно, когда он появился в нашей квартире.

Одет в рванье какое-то, нестриженный, бороденка растет клочками, как трава на болоте. Помню, Пульхерия Львовна, увидев такую личность, перекрестилась и дала Зюзе бутерброд с колбасой. У нее бывают просветления.

Бутерброд Зюзя, конечно, взял и еще попросил. За чаем он рассказал, что папаша его женился, да подобрала его такая стерва, что и не описать. Про стерву мы сами поняли, когда узнали, что молодая жена мигом нажаловалась папаше, что Зюзя подглядывает за ней в ванной, что было чистым враньем.

И еще много всего наговорила, так что папаша выгнал родного сына из квартиры, заплатив за комнату за два месяца. Однако свет не без добрых людей, и кто-то из бывших знакомых матери устроил Зюзю в компьютерную фирму.

Там люди хватили с Зюзей горя, потому что он никак не мог уразуметь, что на работу нужно ходить каждый день. Ну потом все как-то устроилось, Зюзя оформился по договору, прихватывает и еще заказы на стороне. А офис свой устроил в кафе, что напротив нашего дома. Там, дескать, ему лучше, чем в квартире, опять же накормят. Хозяйка Зюзю приветствует, что-то он ей делает полезное, прибыль занижает, что ли, или еще что. Но про это лучше не спрашивать.

С Зюзей мы подружились, потому что мне было его жалко, я его отмыла, подкормила, заказала по Интернету кое-какую одежду, а девчонка, что работала визажистом, сводила его в свой салон, где бороду привели в порядок. Там же, в салоне, прихватила его стоматолог, что ходила на маникюр, и после визита в клинику оказалось, что Зюзя вовсе даже ничего себе, вполне нормальный, если и есть странности, то с первого взгляда не видно.

Короче, когда завелись у него денежки, тут же появились и девушки. Одна была очень решительная, на нас смотрела волком и заставила Зюзю снять приличную квартиру.

Когда он съехал, мне подвернулся Лешка, и я тоже временно распрощалась с коммуналкой.

Сейчас я позвонила Зюзе и нисколько не удивилась, что он мне не ответил. Главное, что телефон у него работает, стало быть, Зюзя находится на своем рабочем месте. Если же его нет, то он телефон вообще выключает.

Я мигом оделась попроще, натянула на голову кепку, отыскала темные очки (есть у меня одни с диоптриями, на море их брала раньше) и ушла, встретив в коридоре только Пульхерию Львовну, которая назвала меня почему-то Анечкой. Значит, опять у нее сезонное обострение малярии.

В кафе меня встретила сама хозяйка Алиса.

– Привет! Представляешь, две официантки уволились! Сама теперь работаю!

Мы с ней не то чтобы в дружбе, но давно знакомы, так что она со мной по-свойски.

– Ты к Зюзе? – Она заметила, как я оглядела небольшой зал и нахмурилась, не увидев знакомую фигуру. – Так мы ему отдельный кабинет выгородили, вон там, в углу.

И правда, из-за стойки с цветами не было видно столика, где расположился приятель.

– Зюзя, к тебе гости! – крикнула Алиса. – Сейчас кофе принесу!

Забыла сказать, Зюзя – это не имя, а прозвище – от фамилии Зюсюкин. Но поскольку кличка эта прилипла к Зюзе с младшей группы детского сада, то имени его никто не знает.

– О, Жанка! – Он оживился и оторвался от экрана ноутбука. – Давно не виделись!

– Ага... – Я рассматривала Зюсю вблизи.

Что-то в нем изменилось. Лицо стало тверже, выглядит старше, взгляд решительный. На столе только чашка кофе, а раньше Алиска закармливала его булочками и горячими бутербродами. Так вот в чем дело: Зюзя похудел. Ну и ну!

Алиса принесла мне капучино, а Зюзе – маленькую чашечку эспрессо. Тоже новости: раньше он пил только американо с молоком и сахаром. Алиса подмигнула мне и ушла.

– Вижу, что дела у тебя неплохо идут... – проговорила я приветливо. – Как работа?

– Работу я поменял, но рассказывать про нее не буду... – сказал Зюзя необычайно серьезно.

– Да мне и не надо ничего знать! – отмахнулась я. – Просто по старой дружбе выясни для меня кое-что, и я пойду. Можешь по номеру машины человека найти?

– Не вопрос! – Зюзя уже стучал по клавишам. – Угу, значит, «Жигули» девятой модели, владелица – Черевичкина А. М.

– Что-о? Какая еще Черевичкина? – я едва не поперхнулась кофе.

– Анжелика Максимовна Черевичкина, год рождения одна тысяча девятьсот сорок первый. Семьдесят девять лет бабке стукнуло, а «Жигули» имеет.

– Ты шутишь? Какие «Жигули»? «Фольксваген-поло» у него!

– Так. – Зюзя оторвался от компьютера и очень внимательно на меня посмотрел. – Жанка, у тебя неприятности?

– С чего ты взял?

– Ну вопросы эти, потом кепку напялила, очки темные. На фига они тебе осенью-то?

Сказать было нечего, я только удивилась, с чего это на Зюсю напала вдруг такая проницательность.

– В общем, как я понял, на той машине, что тебя интересует, переставлены номера от старых «Жигулей». Машина, небось, у бабки в сарае ржавеет, она и понятия не имеет, что с нее номера сняты.

– Стало быть, тупик, – вздохнула я, – ну ладно, пойду я. Попробую с другой стороны подобраться...

– Постой! Если что – обращайся, – сказал Зюзя, – и что-то мне подсказывает, ты так просто это дело не оставишь, да? Значит, все серьезно?

– Ну-у...

– Вот, возьми, – он протянул мне пару маленьких круглых штук, похожих на пуговицы, – маячки. Этот – магнитный, если в машину ставить, а этот – на липучке, если на одежду. Телефон дай!

Он быстро сделал что-то с моим телефоном.

– Приложение тебе поставил, чтобы отследить маяки можно было. И вот еще номер телефона на крайний случай. Просто скажи: «Я от Зюзи, нужна помощь», поняла?

– Где же ты теперь работаешь...

– Не важно! Ладно, удачи тебе!

Хотела я еще спросить, как у Зюзи дела с той противной девицей, не отстала ли она от него, но подумала, что он примет мой вопрос за намек и подумает, что я к нему набиваюсь.

Хотя если судить по внешнему виду, то Зюзя ту девку уже послал подальше. Вежливо, но твердо.

Домой я вернулась в самых растрепанных чувствах.

Что же это получается? Этот самый Вадим замешан в криминале? То есть ежу понятно, что в этом деле и так есть криминал, раз убили ту девицу в бассейне.

Но выходит, что Вадим, или кто он там есть на самом деле, нарочно заманил меня в клуб вчера и сделал так, чтобы потом его ни за что не нашли...

Ловко замаскировался, гад! Сначала познакомился со мной во дворе, якобы соседями мы оказались, вроде как случайно в городе встретил, потом выбрал момент, когда мы с Лешкой поругались... А вот интересно, если бы я Лешку не застала с той белобрысой шваброй, я бы ни в какой клуб с Вадимом не пошла!

Не то чтобы я такая уж верная, не те у нас с Лешкой отношения, просто Вадим этот мне сто лет не нужен был, зачем куда-то с ним идти? Так неужели и Лешку в это дело вовлекли?

Ладно, про Лешку потом, а точнее – никогда.

Кончилось мое терпение, уж лучше в коммуналке жить, чем с этим уродом.

Я походила по комнате и тут увидела под столом большую спортивную сумку.

В первый момент я даже растерялась – откуда взялась у меня в комнате эта сумка? Но потом вспомнила, что пришла с ней из бассейна и сумка эта – той самой несчастной девчонки, которую убили и затолкали в мой шкафчик...

Тут я вспомнила еще кое-что – придя домой из бассейна, я не вынула из сумки купальник и полотенце. Не до того мне было, голова была занята другим. Потом вообще ушла, чтобы с Зюзей поговорить.

Но оставлять в сумке мокрые вещи нельзя, они заплесневеют, потом никакими силами не выведешь запах...

Я вытащила сумку из-под стола, расстегнула, вынула из нее пакет со своими вещами, но прежде, чем отправиться в ванную, чтобы их прополоскать, обследовала содержимое в надежде что-нибудь узнать о той девице.

И правда, во внутреннем кармашке сумки я нашла именной пропуск в бассейн – такой же, как у меня. Как и на моем, на этом пропуске было напечатано имя владельца – Жанна Крапивина.

Надо же, мы с ней тезки! Ну да, правильно – ведь тот мордатый тип, втаскивая в машину, назвал меня Жанной. Он явно перепутал меня с ней...

Что ж, это бывает. Хотя, конечно, имя Жанна – не самое распространенное, как я уже говорила. Но теперь я, по крайней мере, точно знаю, как звали покойницу.

Я еще раз осмотрела ее сумку и нашла на дне какую-то маленькую вещицу, завернутую в салфетку. Я развернула ее и увидела плоский кругляшок из цветного полупрозрачного пластика, чуть крупнее монеты. На лицевой стороне была выбита странная морда – получеловеческая-полукозлиная, с острой клиновидной бородкой и большими загнутыми рогами. На его обратной стороне значилось единственное слово – «Аммалфиро».

Это слово показалось мне смутно знакомым, хотя я и не знала, что оно значит. Кажется, где-то я его слышала... или видела, причем совсем недавно...

Тут я взглянула на салфетку, в которую был завернут жетон. Обычная, белая, но в уголке был напечатан рисунок, наверное, логотип ресторана. Узкий красный флажок или вымпел, на нем нарисовано ярко-желтое солнце, от которого исходят золотые искривленные лучи, а вокруг дважды написано то же самое загадочное слово – «Аммалфиро»: сверху – русскими буквами, снизу – латиницей.

И тут в голове у меня словно раздался негромкий щелчок, как будто там включили свет, и перед моими глазами вспыхнула яркая светящаяся вывеска.

Узкий красный флажок, на нем золотой солнечный диск с исходящими от него лучами и непонятное, загадочное слово, выложенное по кругу из цветных неоновых трубок. Сверху – красным, кириллицей, снизу – золотым, латиницей...

Прочсть это слово я не смогла, но наверняка это то самое слово, которое написано на логотипе.

Я видела эту вывеску! Видела своими глазами! Но вот где и когда – это вопрос. Точнее, целых два вопроса.

Хотя на один из этих вопросов я, пожалуй, знаю ответ.

Наверняка я видела эту вывеску минувшим вечером в тот самый промежуток времени, о котором ничего не помню. Точнее, ничего не помнила до этой минуты – ведь как раз сейчас я вспомнила эту самую вывеску.

А вот где я ее видела... не помню, хоть убей!

Эта вывеска... она могла быть над дверью того ночного клуба, куда отвез меня Вадим. Значит, должен быть ночной клуб с таким названием – «Аммалфиро», что бы это ни значило. Я включила на телефоне поисковую программу и сделала запрос – «Ночной клуб Аммалфиро». Программа после секундного размышления ответила мне, что по моему запросу ничего не найдено.

Я не сдалась и повторила запрос, на этот раз набрав название латинскими буквами. Умная программа немедленно сообщила мне, что существует целая линейка косметических продуктов премиального класса с таким названием, и предложила купить с очень большой скидкой дневной крем для увядающей кожи.

– Спасибо! – проворчала я. – Мне это еще не по возрасту, моя кожа пока не увядает...

Но почему всезнающий поисковик не нашел нужный мне ночной клуб? Ведь я видела его вывеску! Точно видела!

Вот же, это название буквально стоит у меня перед глазами! Да и на салфетке оно напечатано... Разглаженная салфетка лежала на комод, рядом с настольным зеркалом.

Забыла сказать, этот комод достался мне в наследство от старых жильцов, причем не от прежнего семейства – мамы и двух дочек, которые жили в комнате до меня. Нет, комод, по утверждению Пульхерии Львовны, принадлежал самым первым жильцам. Он вроде бы не такой и большой, но ужасно тяжелый, как будто камнями набит, так что ни у кого не было сил его выбросить. Пульхерия еще говорила, что комод какой-то ценный.

Не очень-то я ей поверила, просто пользовалась им вместо туалетного столика.

Сейчас я машинально взглянула в зеркало и расстроилась – лицо бледное, волосы тусклые... этак мне и правда скоро понадобится крем для увядающей кожи!

Я опустила взгляд и увидела отражение салфетки, а также загадочное слово, написанное наоборот – ОРИФЛАММА...

И тут меня как будто стукнуло.

Орифламма... это слово мне прежде попадалось...

Я схватила телефон и набрала в поисковой строке это слово – ОРИФЛАММА.

И на этот раз программа выдала мне ответ: «Ресторан и ночной клуб известного предпринимателя, ресторатора Бориса Карлова». Тут же была указана электронная почта и адрес сайта. Локация клуба не обозначена, но я рассудила, что его адрес должен быть на сайте, и сразу же перешла на него.

Оформление главной страницы было довольно скромным – на золотистом фоне изображена красная голова вроде той, что на пластмассовом жетоне – то ли человек с бородкой и рогами, то ли козел с человеческим лицом.

И ничего, кроме этой головы...

Но теперь у меня не было сомнений – наверняка это тот самый клуб, где я побывала минувшим вечером.

В темном углу, который образовался в моей памяти после того вечера, возник просвет, словно разрыв в облаках, и в нем показалась усмехающаяся голова козлобородого человека с изогнутыми рогами...

Я видела эту голову накануне! Точно видела! Значит, я была в этом клубе и должна снова туда попасть, чтобы восстановить события вчерашнего вечера!

Да, но как его найти?

Я машинально подвигала курсор по экрану. Он коснулся узких искривленных губ козлобородого – вдруг эти губы раздвинулись, и хриплый насмешливый голос произнес:

– Добро пожаловать в «Орифламму»!

– Отлично... – пробормотала я. – Хорошо бы только узнать, где эта самая «Орифламма» находится...

Но тут я уже не сдалась и принялась упорно водить курсором по экрану. Вот я коснулась правого рога – и тут же над ним раскрылся узкий красно-золотой флажок, на котором был выведен телефонный номер. Я коснулась левого рога – и на таком же флажке появился адрес: «Индустриальный проезд, дом 4, строение 1».

Станный адрес для ночного клуба, но чего только не бывает...

Тут меня охватили сомнения. Этот клуб выглядел как-то подозрительно. Чего стоит одна эта козья морда в качестве логотипа, к тому же странный адрес... но если я хочу узнать, что случилось со мной накануне, нужно решиться. Надеюсь, этого гада Вадима там встречу и узнаю, за каким чертом мне сделали татуировку. А потом всю морду ему расцарапаю, будет знать, как девушек заманивать и опаивать какой-то гадостью...

И я решилась.

Я перебрала свой гардероб – нужно найти что-то, в чем не стыдно пойти в клуб, в чем я не буду выглядеть там белой вороной, но, с другой стороны, чтобы было удобно. Кто его знает, что меня там ждет – вдруг придется убежать, так что туфли на высоких каблуках придется с сожалением отложить.

Так, наденем вот эти, похожие на балетки, черные слаксы и темную тунику, чтобы поскромнее. Но, однако, что-то слишком уж скромно, я же все-таки не на похороны собралась. И я подобрала яркий пестрый шарф.

Так, пальто надевать не будем, вдруг Вадим его запомнил. Я накинула тоненькую курточку. Ничего, не замерзну!

Последующие сорок минут я вдумчиво работала над своим лицом. Говорила уже, что жила в нашей квартире девчонка-визажист, которая и научила меня накладывать макияж.

Прежде всего я посмотрела на свое лицо в зеркале: та девчонка говорила, что главное – знать, какого образа хочешь добиться, к чему хочешь прийти. Но в зеркале я неожиданно увидела не себя, а лицо той несчастной, которую убили в бассейне. Как же ее... тоже Жанна. Жанна Крапивина. Что же такое случилось? Как мы с ней связаны?

Руки мои действовали сами по себе, и когда я закончила работу, то из зеркала на меня смотрело ее лицо. Я сделала себя похожей на ту Жанну. То есть, конечно, сходство не абсолютное, но все же есть что-то общее. Особенно если в полутьме.

Однако некогда было раздумывать, отчего так получилось, и я вызвала такси. По крайней мере, довезут до места, не придется рыскать по городу в поисках этого клуба.

Судя по цене, которую мне назвал диспетчер, Индустриальный проезд находится в другом конце города. Но я уже решила ехать в этот клуб, и теперь меня ничто не могло остановить.

Таксист приехал вовремя. Это был хмурый дядька лет сорока. Мой яркий и легкомысленный шарфик его, похоже, напряг, он принял меня за ночную бабочку и всю дорогу мрачно молчал.

Под конец мы выехали в промзону за железной дорогой. Вокруг тянулись заросшие бурьяном пустыри, унылые серые корпуса и складские ангары. Быстро темнело. Я уже пожалела, что отправилась сюда. Водитель стал еще мрачнее и неуверенно смотрел на дорогу, но навигатор утверждал, что мы едем правильно.

Вдруг впереди показалось странное круглое здание, опоясанное спиралью пандуса и светящееся, как рождественская елка. В центре, над входом, светила уже знакомая мне козлиная морда. Время от времени она нагло подмигивала.

Перед входом в здание стояло несколько десятков машин, среди них много дорогих – новенькие «Порше» и «Лексусы», даже один золотистый «Бентли».

Таксист подкатил к парковке и остановился.

– Конец маршрута! – торжественно объявил навигатор. В его голосе слышалось явное облегчение.

Я расплатилась. Таксист поспешно уехал, и я осталась одна. Отступать было поздно. Я зашагала ко входу.

Над ним светила все та же козлобородая морда, под ней было выписано неоновыми трубками уже знакомое мне название на двух языках: «Орифламма» – Oriflamme.

В моей памяти снова образовался зазор, в котором я увидела эту же светящуюся вывеску. Значит, я не ошиблась – накануне я была именно здесь, в этом клубе.

У входа в клуб толклись несколько девчонок в ярких вечерних нарядах. Отчего-то они выглядели в них жалко. Может быть, оттого, что все они снизу вверх смотрели на рослого охранника с розовой детской физиономией и наперебой уговаривали его:

– Артурчик, лапушка,пусти меня! Ты же меня помнишь!

– Помню, – отвечал тот с ленивой растяжкой, – очень хорошо помню, поэтому и не пушу.

– Ну Артурчик, ну меня-то тыпустишь...

– Тебя – тем более!

Когда я подошла к двери, все эти девицы сделали вид, что в упор меня не замечают. Только одна скользнула по мне презрительным оценивающим взглядом и тотчас отвернулась. Зато охранник при виде меня заметно оживился.

– О, Жанна! – проговорил он приветливо. – Ты вернулась? Проходи!

– Чего это? – в один голос переполошились девицы. – Вот интересно! С какого перепуга ты ее пускаешь? Эту бледную моль, эту кривоногую каракатицу, эту плоскогрудую селедку...

– Усохните! – лениво ответил охранник, открывая передо мной зеркальную дверь.

Я вошла внутрь, гордо подняв голову. Охранник в клубе меня узнает и выпускает! Мелочь, конечно, а все же приятно. И ничего я не кривоногая. Сами такие.

Но вот интересно – почему он все же меняпустил? Мелькнула мысль, что узнал-то он не меня, а ту Жанну. Хотя мы и не очень похожи, в полутьме он вполне мог обознаться. Тем более этот охранник явно не семи пядей во лбу.

Додумать эту мысль я не успела, потому что на меня обрушилась лавина музыки. Шквал музыки. Торнадо. Если, конечно, это можно было назвать музыкой. Во всяком случае, звучала она так громко, что думать стало невозможно.

Я сняла куртку, убрала ее в сумку и огляделась.

Я оказалась в огромном круглом зале, полном людей, музыки и мерцающего, вспыхивающего, бьющего по нервам света. Люди двигались под музыку, некоторые – поодиночке, некоторые – парами или группами из трех-четырех человек. Они не разговаривали – здесь это было невозможно.

Одна стена этого зала представляла собой огромное зеркало, от пола до потолка, в котором отражалась вся эта дергающаяся толпа, озаренная мерцающим светом.

Возле самого зеркала я увидела совершенно неуместное здесь существо – тщедушную старушку, облаченную во что-то немыслимо яркое, попугайской расцветки. Старушка, как и все в зале, тряслась под оглушительную музыку, но это было больше похоже не на танец, а на предсмертные конвульсии. Казалось, сейчас у нее от слишком резкого движения отвалится рука или нога. Это зрелище было таким неприятным и тошнотворным, что я поскорее отвела глаза.

Очередная вспышка света выхватила передо мной запрокинутое, белое, как полотно, и неподвижное, как маска, женское лицо. Рядом с ней был мужчина на самом деле в маске – в такой же козлобородой и рогатой, как та, что светила над входом в клуб.

Тут рядом со мной возник очень высокий и белокожий парень с бритыми висками и коротеньким хвостиком на темечке. Дергаясь в ритме музыки, он что-то мне сказал.

– Что?! – переспросила я как могла громко.

– Почему ты не танцуешь? – выкрикнул он в ответ.

– Я танцую! – отозвалась я. – Только под другую музыку, под ту, что звучит у меня внутри.

– А, круто! – ответил он и тут же исчез в толпе.

Я проводила его взглядом и двинулась вперед. Раз уж я сюда приехала, нужно хоть оглядеться...

Тут передо мной снова возник тот же бледнолицый парень с хвостиком, в руках он держал два высоких бокала с чем-то ядовито-розовым.

– Держи! – Он сунул один из них мне в руку.

– Что это? – спросила я.

– Как – что? – он удивленно округлил глаза. – Фирменный коктейль клуба – «Орифламма»!

Я вспомнила, что, судя по всему, была здесь накануне вечером – а потом оказалась в чужой квартире с провалом в памяти. Уж не этот ли фирменный коктейль тому виной?

– Пей, это вкусно! – проговорил парень.

Уж больно он настойчив...

Чтобы отвлечь его, я спросила:

– А что вообще значит это слово – «Ори- фламма»?

– Как, ты не знаешь? – Он снова округлил глаза. – Я думал, ты из наших...

Меня так и подмывало спросить, кто такие «наши», но я вовремя поняла, что этого нельзя делать, и прикусила язык. Вместо этого я проговорила высокомерно:

– Что за манера – отвечать вопросом на вопрос? Не выпендривайся! Если знаешь – ответь!

Он заговорил – неожиданно красивым и сильным голосом, перекрыв грохот музыки:

– Орифламма – значит «золотое пламя», или «огненное золото». Так называлось личное знамя французских королей. В обычное время оно хранилось в аббатстве Сен-Дени к северу от Парижа, откуда его выносили только во время войны. Поэтому о начале войны тогда так и

говорили: «Король развернул Орифламму». Считалось, что она приносит победу. Последний раз она была развернута в битве при Азенкуре, где и была окончательно утрачена.

– Круто! – проговорила я насмешливо.

Он подозрительно взглянул на меня и спросил:

– А почему ты не пьешь?

Я не успела ответить – на мое счастье, к нему подскочила долговязая белобрысая девица с короткой стрижкой, в коротком серебристом платье, и пропела тоненьким голоском:

– А-алик, золото, где ты пропадал все это время? Где тебя черти носи-или?

Он отвернулся, чтобы ответить ей, а я быстро огляделась. Рядом со мной все еще содрогалась в конвульсиях девица с мертвенно-белым лицом. Ее спутник в козлобородой маске куда-то исчез. В руке она держала пустой бокал. Я мягко отняла его и вложила свой – полный. Девица открыла глаза, с удивлением взглянула на свой чудесным образом наполнившийся бокал, поднесла к губам и опустошила в несколько глотков.

Тут Алик (вот как, оказывается, звали моего собеседника) снова повернулся ко мне.

– Вот видишь – я все выпила! – Я гордо продемонстрировала ему пустой бокал.

– Молодец! – оживился он. – Сейчас я принесу еще. Только никуда не уходи.

Он исчез в толпе.

Я снова взглянула на бледную девицу, которой подсунула свой коктейль. С ней явно творилось что-то неладное. Она больше не дергалась в ритме музыки, а стояла неподвижно, как статуя. Глаза ее были пустыми и безжизненными, она без всякого выражения уставилась прямо перед собой. Ее спутник удивленно смотрел на нее. Он схватил ее за руку, встряхнул – но она не отзывалась, а едва он отпустил ее, как она безвольно упала.

Вдруг к нему подошли два человека в таких же, как у него, козлобородых масках. Один из них что-то негромко сказал ему, мужчина вздрогнул, оглянулся и исчез в толпе, оставив свою спутницу в распоряжении тех двоих.

Двое козлобородых взяли ее под руки и целеустремленно повели сквозь толпу.

Девица медленно шла, как большая кукла, послушно переставляя ноги и глядя перед собой пустыми глазами.

Я невольно почувствовала вину – ведь это я подсунула ей подозрительный бокал, в который наверняка было подмешано какое-то сильнодействующее средство.

Стараясь не привлекать к себе внимание, я шла сквозь толпу за странной троицей.

Они пересекли зал и подошли к арке, задернутой красной переливчатой портьерой.

Один из козлобородых опасно огляделся, другой отдернул портьеру и провел за нее безвольную девушку.

Я немного выждала и проскользнула за ними.

За портьерой никого не было.

Там находилась маленькая пустая комната, у стены которой стоял красный металлический шкаф с окошком и яркой надписью «Газированная вода». Старый автомат для продажи воды, вот что это! Я видела такие в старых советских фильмах.

Пульхерия Львовна вечно их смотрит. Какой-то прежний жилец настроил ей нужный канал, вот она с утра до вечера и смотрит старые комедии, поскольку хоть что-то в них понимает и знает, в каких местах нужно смеяться.

Вдруг мне очень захотелось пить.

В те автоматы опускали трехкопеечную монету – и стакан наполнялся водой... но прорезь на этом была, пожалуй, великовата для обычной монеты.

И тут я вспомнила про пластмассовый жетон, который нашла в сумке несчастной убитой девицы из бассейна. Сама не знаю почему, но я прихватила его с собой. Я нашарила этот жетон, опустила его в прорезь на автомате...

Но воду мне не налили.

Вместо этого автомат отъехал в сторону, и за ним оказался темный прямоугольный проем. Я попятилась назад, уж больно страшно соваться куда-то в темноту и полную неизвестность.

И тут в голове зазвучал голос:

«Иди туда!»

Ой, что-то давно не было в голове никаких голосов, я даже соскучилась, а то и поговорить не с кем. Все же я помедлила в нерешительности, тогда голос повторил:

«Иди туда! Не бойся!»

Я шагнула вперед...

И тут пол у меня под ногами поехал вниз, как будто я оказалась в кабине лифта.

От неожиданности я зажмурила глаза, схватилась за стены...

Но спуск был недолгим.

Я стояла в квадратном помещении не больше кабины лифта, а вперед уходил полутемный безлюдный коридор, по обе стороны которого были одинаковые двери.

Я пошла по этому коридору, оглядываясь по сторонам.

Одна из дверей была неплотно закрыта. Я осторожно толкнула ее и заглянула внутрь.

За дверью оказалась небольшая комната, у дальней стены стоял письменный стол, рядом – два кожаных кресла. Стены были оклеены яркими афишами – рекламой музыкальных групп и почему-то иллюзионистов и фокусников.

В комнате не было ни души, и я уже хотела покинуть ее, как вдруг обратила внимание на одну из афиш.

На ней был изображен, по-видимому, фокусник – мужчина во фраке, с яркими карими глазами и густой иссиня-черной бородой. Он стоял перед большим пылающим костром, на котором горела молодая, очень красивая женщина.

Багровые языки пламени окружали ее лицо, обрамляли его точно так же, как на той татуировке, что непонятным образом появилась у меня на бедре.

Я подошла к афише, чтобы лучше ее разглядеть. Вдруг ее нижний край чуть заметно шевельнулся, словно под ним проползло крупное насекомое. Я вздрогнула... но тут же поняла, что афишу шевельнуло дуновение сквозняка.

Но откуда здесь сквозняк? Ясно, за афишей есть проход.

«Иди туда!» – снова произнес голос у меня в голове, только звучал он гораздо тише и неуверенней.

– Сама знаю! – огрызнулась я, потому что было очень страшно.

Осторожно приподняла край афиши и увидела под ней потайную дверцу, закрытую на простую защелку. Я потянула защелку, приоткрыла дверь и проскользнула внутрь.

Я оказалась в небольшой, ярко освещенной комнате, посреди которой на узкой кушетке лежала та самая бледная девица, с которой я поменялась бокалами в зале. Только теперь на ней не имелось платья, она была почти обнажена. Так, прикрыли ее какой-то прозрачной тряпкой, причем старой и не очень чистой.

Глаза девицы были полуоткрыты и без всякого выражения смотрели в потолок. Опоили девочку какой-то гадостью, которая, надо полагать, предназначалась мне.

Я дотронулась до ее плеча и вполголоса проговорила:

– Вставай! Нужно скорее уходить!

Однако девица никак не отреагировала на мои слова, ни один мускул на ее лице не дрогнул, а глаза оставались все такими же пустыми и бессмысленными.

– Да вставай же! – Я повысила голос, встряхнула ее изо всех сил, но она была все так же бесчувственна, только голова безвольно перекаtilась от плеча к плечу.

Что делать? Попытать силой поднять ее и увести отсюда? У меня сил хватит только на несколько шагов.

Вдруг где-то рядом раздались приближающиеся шаги и громкие голоса.

Я испуганно огляделась.

В этой комнате негде было спрятаться... хотя...

Я увидела дверцы стенного шкафа, поспешно открыла его и спряталась внутри, закрыв за собой дверцы. Скрипнула дверь, и, судя по звукам, в комнату вошли какие-то люди.

Когда мои глаза привыкли к темноте, я увидела тонкий луч света, проникающий сквозь щель между дверцами шкафа. Я прильнула к этой щели и увидела, что в комнату вошли трое мужчин. Двое из них были те самые, в козлобородых масках, что привели сюда девушку, еще один – в белом накрахмаленном медицинском халате. В руках у него был небольшой докторский чемоданчик.

Мужчина в халате открыл чемоданчик, достал из него какой-то инструмент, похожий то ли на дрель, то ли на миксер и склонился над бесчувственной девушкой. Инструмент у него в руках тихо зажужжал. Он коснулся ее бедра.

Тут я поняла, что происходит: девушке делали тату, скорее всего, такое же, как у меня.

Так вот как у меня появилась эта татуировка!

Татуировщик на мгновение выключил свой инструмент, отступил на шаг, оглядев рисунок, и продолжил свою работу.

Девушка лежала неподвижно, словно ничего не чувствовала. Впрочем, наверное, так оно и было.

– Быстрее, пожалуйста! Нас ждут! – проговорил один из мужчин в маске.

– Не говорите под руку! – огрызнулся татуировщик. – Вы же знаете, как важна моя работа...

– Да, простите! Но все же постарайтесь побыстрее... времени у нас мало...

– Я уже заканчиваю...

Он снова выключил инструмент, отстранился и удовлетворенно кивнул:

– Готово!

Собрав свои инструменты, татуировщик ушел. А мужчины в масках подняли бледную девушку с кушетки и облачили ее в странный наряд – короткую золотистую тунику и полупрозрачное, расшитое яркими цветами покрывало. Поверх этого наряда они надели на нее несколько сверкающих ожерелий, на голову водрузили украшенный самоцветами венец.

Девушка неподвижно стояла, позволяя наряжать себя, как куклу или рождественскую ель. Когда с одеванием было покончено, ее вывели из комнаты через дверь. То есть просто протащили волоком, она даже ногами переступить не могла.

Я немного выждала, затем выскользнула из стенного шкафа и последовала за девушкой и ее спутниками. Никто меня не заметил и не остановил.

За дверью оказался новый коридор, точнее, длинная изгибающаяся галерея, вдоль которой через равные промежутки располагались круглые окна без стекол, через которые доносился ровный неумолкающий шум, наподобие морского прибоя.

Я выглянула в одно из них и увидела огромный зал с колоннами и очень высоким сводчатым потолком, который галерея опоясывала на большой высоте, как церковные хоры – внутреннее пространство храма.

Зал оказался полон людей. Все это были мужчины в темных костюмах и одинаковых масках – такие же козлиные морды с узкими бородками, какие я видела уже не один раз. Они переговаривались, и гул этих разговоров я слышала через окна галереи.

Посреди зала находилось возвышение наподобие алтаря, накрытое золотистой парчой, и мой взгляд почему-то все время возвращался к нему. Около алтаря стояла огромная скульптура – бронзовый лев, изготовившийся к прыжку.

Вдруг разговоры стихли, словно по команде, и в зале наступила тишина. Вдруг прозвучал гулкий, протяжный, раскатистый удар гонга. Гудящий звук прокатился по залу, постепенно затихая, и тут же на смену ему пришла тревожная, резкая и торжественная барабанная дробь.

Головы всех присутствующих повернулись в одну сторону – в конец зала. Я посмотрела туда же и увидела восемь человек – мужчин все в тех же одинаковых костюмах и козлобородых масках, – которые медленно шли, держа за ручки резные позолоченные носилки.

На них лежала та самая девица, которой только что на моих глазах делали татуировку, а потом облачили ее в золотистую тунику и расшитое цветами покрывало.

Мужчины с носилками медленно подошли к алтарю и остановились, поставив их на пол. Невидимые барабаны смолкли. В зале снова воцарилась напряженная, торжественная тишина.

Вдруг откуда-то из-за алтаря появился еще один человек – не в темном костюме, как все остальные, а в длинном, до пят, белом балахоне, какие, должно быть, носили языческие жрецы. Лицо его скрывала такая же, как у остальных, козлобородая маска. Только у него она сверкала, словно была сделана из чистого золота.

Впрочем, возможно, так оно и было, сейчас я готова была поверить во все что угодно.

Невидимые барабаны снова выбили короткую тревожную дробь и замолкли.

Человек в балахоне подошел к носилкам, поднял руки, так что широкие рукава упали, обнажив худые смуглые предплечья, и провозгласил громким певучим голосом:

– Дева Жанна, восстань!

– Восстань! – повторили за ним все присутствующие, как дети за Дедом Морозом на новогоднем представлении.

– Дева Жанна, восстань! – повторил жрец, и остальные присоединились к нему.

Он третий раз повторил свой призыв – и тут девушка на носилках поднялась во весь рост.

Как и прежде, движения ее были медленными и механическими, как будто она не живой человек, а заводная кукла, движущийся манекен.

Двое мужчин взяли ее под руки и помогли взойти на алтарь. Они сдернули с нее расшитое покрывало, и девушка легла.

Я в ужасе смотрела на происходящее.

Неужели ее сейчас принесут в жертву какому-то кровожадному божеству? И это будет моя вина, ведь это я подменила ее бокал! Да нет, не может быть... сейчас все-таки двадцать первый век, человеческие жертвоприношения ушли в далекое прошлое... но тогда что они с ней собираются делать?

Жрец подошел к алтарю. Кто-то вложил в его руки серебристый кувшин, он произнес какую-то звучную фразу на непонятном языке и вылил содержимое на неподвижно лежащую девушку. Судя по цвету, это было молоко.

Ему подали другой кувшин, на этот раз медный, он произнес еще одну таинственную звучную фразу и вылил на девушку кувшин красного вина.

Снова ему подали кувшин, на этот раз сверкающий, как старинное золото.

Жрец произнес третью загадочную фразу – и вылил на жертву... неужели это кровь? Да, несомненно, это была кровь! Моя собственная кровь застыла в жилах.

Жанна проснулась, как будто кто-то ее окликнул, вскочила с покрытого травой склона и огляделась. Овечки, которых она пасла, были на месте... нет, одной не хватало!

Она услышала неподалеку жалобное бление и бросилась на этот звук, туда, где была примята трава.

Не прошло и нескольких минут, как она оказалась в чьем-то винограднике.

Странное волнение охватило Жанну. Она вдруг обессилела настолько, что опустилась на землю между рядами прозрачно золотеющей в лучах вечернего солнца лозы. Громко гудели пчелы, издавала доносился звон церковного колокола.

В воздухе разливался теплый и нежный запах алых и белых цветов шиповника. Казалось, во всем мире воцарился мир и покой, а ужасы бесконечной, беспросветной войны миновали, как тяжёлый мрачный сон при пробуждении солнца.

И вдруг Жанна почувствовала чье-то незримое присутствие. Поняла, что не одна сейчас в этом винограднике. Сердце ее часто и мучительно забилось от предчувствия – ибо поняла она, что ее ждет невыносимый, изнурительный труд, тяжёлая и величественная судьба.

Удивительная тишина опустилась на виноградник. Замолкли пчелы, затих дальний колокол. Даже ветер не шевелил листья.

И в этой страшной, величественной тишине прозвучал Голос.

– Здравствуй, дочь моя!

Жанна хотела повернуться, но он звучал одновременно со всех сторон, отовсюду – справа и слева, с неба и от земли. Жанна и страшилась увидеть того, кто окликнул ее, и желала этого больше всего на свете.

Но тут она наконец увидела его.

Это был прекрасный юноша в рыцарских доспехах. Они сверкали в лучах вечеряющего солнца, но ярче доспехов сияло его лицо. Молод был рыцарь – но вся неизмеримая мудрость веков была написана на лице его. В воздухе вокруг прекрасной головы плясали золотые пылинки.

– Здравствуй, господин! – чинно ответила Жанна на приветствие рыцаря.

– Что ты делаешь, дочь моя, в этом винограднике?

– Я ищу здесь овечку, отбившуюся от стада.

– Не одну овечку найдешь ты. Куда большее стадо поведешь за собой.

В изумлении Жанна смотрела на прекрасного рыцаря.

– Знаешь ли ты, кто я? – спросил он.

Еще мгновение назад Жанна ничего не знала о нем, но тут знание само вспыхнуло в ее сердце.

– Ты – Архангел Михаил, господин, – ответила девочка просто, как будто эти слова сами возникли у нее на языке.

– Это правда... только не называй меня господином. Один есть Господин над нами – и над тобой, и надо мной – Господь Милосердный. Это он послал меня к тебе. Меня и двух моих спутниц...

И тут Жанна увидела прекрасных эсений, стоящих за спиной Архангела. И, увидев их, тут же постигла, что это Святая Екатерина и Святая Маргарита.

– Чего хочешь от меня Господин? – спросила Жанна.

– Господин наш увидел, какими страданиями наполнилась прекрасная Франция. Он хочет, чтобы ты отправилась к дофину Карлу и принесла ему корону французскую. Ибо так хочет Господин наш.

– Я? Но ведь я – простая деревенская девушка... я пасу овец и пряду шерсть... что я могу?

– Это правда, сама ты ничего не можешь. Но если того захочет Господин наш – ты сделаешь по его повелению.

– Но я не умею ни ездить верхом, ни владеть мечом... как могу я повести за собой воинов?

– Если захочет Господин наш – ты научишься всему в одночасье. Ибо в чистом сердце твоём таится невиданная, несокрушимая сила. Ты приедешь к дофину, он поверит тебе и даст войско, с которым ты изгонишь из Франции врагов и приведешь дофина в Реймс, чтобы возложить корону Франции на его голову.

– Это слишком много для такой девушки, как я! – воскликнула Жанна в страхе. – Это превышает меру мою!

– Только Господин наш знает, какая мера отпущена каждому из нас. Господин наш желает, чтобы ты исполнила его повеление. Ты возьмишь знамя Царя Небесного и поведешь за собой воинство. И победа будет с тобой. А чтобы ты не сомневалась в его воле и помнила мои слова – возьми сей знак...

Юноша в сияющих доспехах бросил на землю белый цветок – и в то же мгновение исчез, словно растворился в медово-золотом вечернем воздухе. Еще какое-то время в ушах Жанны звучал его голос, но после и он стих. И снова загудели пчелы, зазвенел вдали церковный колокол.

Жанна изумленно огляделась.

Привиделось ли ей все это?

Она посмотрела на землю, туда, куда Архангел бросил цветок.

И правда, белоснежный цветок лежал на земле.

Это был не цветок шиповника и даже не белая роза. Это была белая, как снег, не тронутая увяданием лилия. Жанна потянулась к ней, но лилия исчезла, а на том месте теперь лежала круглая серебряная ладанка. Жанна подняла ее.

По кругу было написано имя, точнее, два имени, слитые в одно – Иисус-Мария.

Точно такое же двойное имя было вырезано на простом латунном колечке, которое подарила Жанне ее мать, и она носила его не снимая.

Жанна поцеловала ладанку – и от ее поцелуя она открылась.

Внутри ее Жанна увидела каплю крови.

Закатный луч коснулся этой капли – и она вспыхнула, как прекраснейший в мире рубин.

И тотчас воздух наполнился неземным благоуханием, и снова прозвучал голос Архангела Михаила:

– Береги эту ладанку, дева, как зеницу ока!

Жанна поднялась и покинула виноградник.

Все ее овечки стояли, сгрудившись, на склоне холма, и та, за которой она последовала, была среди них.

Я больше не могла смотреть на происходящее.

Я должна что-то сделать, спасти эту несчастную девушку, а для начала хорошо бы спуститься с этой галереи...

Я бросилась вперед по галерее – и очень скоро увидела в полу круглое отверстие, внутри которого был пропущен гибкий пластиковый рукав. Через такие рукава на стройках спускают с верхних этажей мусор, ими же пользуются пожарные, чтобы спасти людей, оказавшихся на верхних этажах горящих зданий.

Вот здорово, что я догадалась надеть брюки и балетки! Хороша бы я была в туфлях на высоком каблуке!

Не раздумывая, я прыгнула в рукав ногами вперед и заскользила вниз, как в аквапарке. Только в руке я крепко сжимала сумку.

Несколько секунд – и я вылетела из рукава, обо что-то больно ударившись...

И оказалась в каком-то темном и душном помещении.

Я ощупала стенки вокруг себя.

Они были металлические и какой-то странной формы.

Куда это меня угораздило попасть?

Ну вот, вместо того, чтобы помочь той несчастной девушке, я сама оказалась в ловушке... надо было все же подумать, прежде чем очертя голову прыгать в тот рукав!

Снаружи до меня доносилось протяжное пение на непонятном языке, похожее на средневековые хоралы. Ну да, это козлобородая публика продолжает свой ритуал.

Через несколько секунд, привыкнув к темноте, я поняла, что как раз темнота здесь не полная. Впереди меня были два небольших круглых отверстия, через которые проникал свет.

Я подобралась к ним и выглянула наружу.

Глаза не сразу привыкли к яркому свету.

Совсем близко ко мне находился алтарь, на котором лежала девушка. Она была вся в белых и красных потеках. Ну да, ее ведь облили молоком, вином и кровью.

Возле нее стоял жрец, он произносил какие-то загадочные фразы или заклинания, которые тут же подхватывали десятки голосов.

И тут я догадалась, где нахожусь.

Спустившись с галереи, я попала внутрь того бронзового льва, который стоял рядом с алтарем. А отверстия, через которые я выглядываю, – это глаза льва...

Понятно, но вот как отсюда выбраться?

Я осмотрела внутренность статуи. Впрочем, здесь было так мало света, что я скорее не осмотрела ее, а ощупала. И нашла-таки кое-что очень полезное: в боку бронзового льва была маленькая дверка, закрытая на обычную защелку.

Я уже хотела открыть эту дверку, но вовремя сообразила, что окажусь на виду у всех этих козлобородых чудиков, и неизвестно, как они отнесутся к моему появлению в самый разгар их ритуала...

Так что, пожалуй, лучше немного подождать.

Я снова перебралась к своему наблюдательному пункту – к львиным глазам – и выглянула наружу.

Судя по всему, ритуал подходил к концу.

Жрец произнес еще какое-то заклинание, массовка дружным эхом повторила за ним последние слова. Снова прозвучал гонг, и публика начала расходиться.

Слава богу, до смертоубийства дело не дошло! Девушка явно жива, с моего места видно, что дышит.

Наконец возле алтаря остались только жрец и еще четверо мужчин в козлиных масках – наверное, главные подручные жреца, исполнители его воли.

Жрец отработанным театральным жестом поправил свое одеяние и повернулся к свите:

– Ну вы тут приберете, как обычно...

Не дожидаясь ответа, он удалился с надменным и величественным видом. Один из оставшихся, видимо, главный среди них, подошел к лежащей на алтаре девушке и похлопал ее по щекам:

– Эй, пора вставать! Дети, в школу собирайтесь! Петушок пропел давно!

Девушка не шевельнулась.

Козлобородый встряхнул ее за плечо:

– Просыпайся! Хорош придуливаться!

Она по-прежнему не подавала признаков жизни.

– Да что же это такое! – раздраженно процедил тот. – Опять какие-то проблемы...

Он повернулся к одному из своих товарищей и недовольно проговорил:

– Снова твой прокол! Каждый день ты лажаешь!

Тот, к кому он обращался, попятился и ответил обиженным, капризным голосом:

– Ну почему я? При чем тут я? Моя задача – только находить подходящий объект и приводить сюда, а все остальное меня не касается! Дальше уже ваше дело!

Я вздрогнула.

Этот голос, и особенно интонации... жесты... все было мне знакомо.

Это был Вадим. Я очень хорошо запоминаю голоса, опять же вот этот жест, когда он откидывает голову, как будто челка падает ему на глаза. Под маской челка не видна и ему не мешает, но он все равно так делает по привычке.

Точно, это он! Вот скотина! Выходит, он поставляет в этот подпольный притон живой товар! Девушек для языческого ритуала! И меня он сюда заманил по приказу этих извращенцев!

– Еще как касается! – прикрикнул на Вадима старший. – Скажешь, что и вчера не ты прокололся? Ты должен был доставить объект на ту квартиру и передать чистильщику...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.